

Каспер Грэй

ДВЕНАДЦАТЬ ЭТАЖЕЙ ДО НЕБА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Каспер Грэй

Двенадцать Этажей До Неба

«Автор»

2026

Грэй К. У.

Двенадцать Этажей До Неба / К. У. Грэй — «Автор», 2026

Однажды один поэт сказал: "Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать". И знаете.. в его словах есть доля правды.

© Грэй К. У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Трое в Лодке	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Каспер Грэй

Двенадцать Этажей До Неба

Трое в Лодке

Город был похож на старый, выцветший полароидный снимок: бесконечные гранитные набережные, дома цвета мокрого бетона и небо, которое всегда на пару тонов светлее асфальта. Город не жил, он дышал испарениями Невы и дешевого табака.— Ну, быстрее, дебилы! Быстрее! — выкрикнул Флинт, первым вылетая из дверей круглосуточного ларька. За ним, давясь отрывистым смехом, выскочили Кай и Ник. В руках у Ника была зажата пара пачек дорогих японских сигар, добытых в честном бою с ошалевшим продавцом. Сзади что-то орали, хлопала дверь, звенел колокольчик, но этот шум казался звуком из другого мира. В ту секунду, когда их кеды ударились о разогретый серый асфальт, небо лопнуло. На город обрушился тяжелый, плотный, по-настоящему теплый июльский ливень. Они бежали втроем, в ряд, не разбирая дороги. Кай на бегу поправил мокрую челку, его лицо, обычно замкнутое и колючее, сейчас светилось какой-то дикой, животной радостью. Ник споткнулся о лужу, обдав друзей веером брызг, и Флинт подхватил его за плечо, не давая упасть, — сработал рефлекс, который заменял им семейные узы. В этом беге была вся их жизнь. Три тени в сером лабиринте подворотен, соединенные невидимым тросом. Если один падал — тянул остальных, если один взлетал — остальные подставляли плечи. В их глазах не было страха перед погоней или полицией. Там было чистое, концентрированное счастье — то самое, которое бывает только в юности, когда кажется, что вы втроем сильнее этого бетонного города, сильнее законов и сильнее самой смерти. Пар над асфальтом, запах мокрой пыли и смех, перекрывающий шум дождя. Они были королями этих трущоб, пока их одежда пропитывалась водой, а в кармане лежали украденные сигареты, которые они раскурят через пять минут под каким-нибудь козырьком, чувствуя себя абсолютно бессмертными. Подъезд встретил их запахом сырой штукатурки и глухим эхом. Тяжелая металлическая дверь отсекала улицу, оставив разъяренного продавца снаружи. Кай, чья вежливость иногда прорывалась в самые неподходящие моменты, крикнул это короткое "Простите!" уже в щель, почти захлопнув ловушку.

— Давайте наперегонки! — Ник, еще не отошедший от адреналинового прихода, уже занес ногу на первую ступеньку лестницы. Его глаза горели, он хотел выплеснуть остатки энергии.

— Да ну тебя, — Флинт привычно осадил его пыл, с силой вдавив кнопку вызова лифта. Гул старой кабины, спускающейся сверху, был похож на ворчание старого зверя. Через минуту они уже стояли на открытом общем балконе двенадцатого этажа. Здесь город лежал перед ними как на ладони: бесконечные крыши, утыканные антеннами, и дымка дождя, превращающая Питер в зыбкое марево. Ник с торжествующим видом фокусника извлек из-под куртки пачку дорогих японских сигар — тяжелый люкс в минималистичной упаковке. Кай молча достал свою зажигалку. Его "Ardor" кофейного цвета идеально легла в ладонь. Щелчок — и ровный язычок пламени отразился в стекле балконной двери. Флинт скептически осмотрел японское чудо в руках Ника, покрутил сигару и брезгливо выплюнул: — Ну и хуйня. Пафос один. — Кай, давай вишню-мяту, — добавил он, отворачиваясь от элитного дыма. Кай понимающе кивнул. Он всегда носил с собой самокрутки — смесь вишневых трав, которую забивал сам. Флинт привычным движением вытянул одну, достал из кармана маленький флакон и пшикнул жидкой мятой на ватный фильтр. Это был их особый ритуал, вкус их дружбы: терпкая вишня и ледяной холод на выдохе. Флинт прикурил, затянулся и выпустил густое облако дыма в серый воздух. — Вот это по-нашему, — выдохнул он, облакачиваясь на перила. На секунду над горо-

дом повисла тишина, которую нарушало только шипение дождя о бетонный козырек. Они еще не знали, что это один из последних спокойных вечеров, когда они могут вот так просто стоять рядом. Флинт был не слишком высок, в компании он был самым низким. Кай был значительно выше, и чуть выше второго был Ник. Флинт одевался минималистично, но вполне ярко, у него были волосы под модельную стрижку темным оттенком, а его серо-голубые глубокие глаза казались старше его самого. Ник был наоборот – кареглазым блондином с волосами уже подлиннее. Винтажный стиль одежды, как сказала бы молодежь – старперский стиль. Кай имел зеленоватые глаза с бирюзовым тоном и русые, чуть кудристые волосы. Тонкое чувство стиля без фарса – серая выцветшая футболка с надписью "Rock" чуть готическим шрифтом и обычно зипка. Ник вытащил пыльцу из сахара из магазина и открыл, ударив о балконную перегородку – это была так называемая волшебная пыльца. В этот момент у Флинта зазвонил телефон. На весь балкон зазвучала мелодия из нулевых – Shut Your Mouth. Вместо типичного "ало?" или "слушаю" Флинт ответил:– У аппарата. Никто не знал, что это значит, вероятно даже сам Флинт, но это имело свой шарм. Флинт убрал телефон в карман, и мелодия "Shut Your Mouth" оборвалась так резко, будто в подъезде выключили жизнь. Его серо-голубые глаза, только что светившиеся азартом погони, мгновенно потускнели, подернувшись привычной дымкой усталости.– Мне пора домой, пацаны. Мама звонила, – бросил он, поправляя воротник своей яркой куртки. В его голосе не было страха, только сухая констатация факта. Он ушел первым, оставив Кая и Ника в звенящей тишине двенадцатого этажа. Кай, как и всегда, не спешил. Он всегда уходил последним, хотя его путь до дома через серые лабиринты окраин был самым долгим. Это было его негласное право – закрывать смену их дружбы, оставаясь один на один с городом. Ник засуетился. В его руках откуда-то появился лимон. Он с силой сжал фрукт, и брызги кислого сока полетели на его светлые, винтажно уложенные волосы, а затем – прямо в рот. Он морщился, глотая едкую жидкость, пытаясь перебить запах вишневых трав и японских сигар.– Сильно пахнет? – спросил он, с надеждой глядя на Кая своими карими глазами. Кай наблюдал за этим перформансом с холодным спокойствием. Его бирюзовый взгляд прошивал Ника насквозь, выхватывая каждую деталь его нелепого маскировочного ритуала.– Чувак, эта херня не рабочая, – Кай усмехнулся, и в этой усмешке было больше горечи, чем в лимоне Ника. – От тебя несет вишней за километр. Хватит скрывать от родителей это. Смысл? Ник нервно дернул плечом. Его «старперский» стиль одежды сейчас казался просто костюмом, в который забился испуганный подросток.– Ты не понимаешь, – пробормотал он, вытирая липкие пальцы о штаны. – У меня такие родаки, не поймут. Вот как будто твои бы поняли... Слова повисли в воздухе тяжелым свинцовым облаком. Тишина мгновенно сгустилась, став почти физически ощутимой. Она не просто стояла рядом – она была в виски, пульсируя в такт учатившемуся сердцебиению. Ник замер, осознав, что только что ляпнул. Он посмотрел на Кая, чьи родители давно стали лишь призраками в его памяти, и в глазах блондина отразился искренний ужас.– Прости... забыл... – выдавил Ник, пятясь к дверям.– Ничего, – коротко отрезал Кай. Он не собирался слабеть. Его лицо превратилось в каменную маску, которую не мог размыть даже теплый июльский дождь, продолжавший барабанить по козырьку. Кай стоял прямо, расправив плечи под выцветшей футболкой "Rock", и в его фигуре было столько ледяного достоинства, что Нику стало не по себе. Вскоре внизу, во дворе, взвизгнули тормоза. За Ником приехали. Из окна лимузина, сверкнувшего лаком в свете фонарей, высунулся отец Ника и начал что-то кричать. Даже с двенадцатого этажа было понятно: лекция о вреде курения и запахе «помойки» началась еще до того, как парень сел в салон. Когда машина скрылась за поворотом, Кай остался один. Город под его ногами зажег огни, похожие на рассыпанный по мокрому бархату бисер. Кай стоял на краю балкона еще десять минут. Он не двигался, только его грудь тяжело вздымалась. Он вдыхал этот влажный, пропитанный озоном и бензином воздух, глотая его жадными, рваными клочьями, будто пытался надышаться за всех троих сразу. В этом одиночестве на высоте птичьего полета не было печали – только чистая, концентрированная ярость и

осознание того, что этот серый мир скоро начнет рушиться. В обычное время их жизнь состояла из бесконечного бега по серым полям окраин, где среди бетонных скелетов недостроев и ржавой арматуры они искали свои маленькие сокровища – потерянные в спешке вэйпы или просто красивые стекляшки. Они угарали над всем подряд, превращая каждый день в бесконечный сериал о своей непобедимости. Одним летним вечером они, как обычно, обосновались на своем стратегическом посту – общем балконе на двенадцатом этаже дома, который в их личной картографии носил кодовое название "0901". Город внизу плавился от зноя, пока внезапно небо не потемнело и на раскаленный бетон не рухнул плотный, шумный ливень. – Наперегонки? – резко спросил Кай, и его голос утонул в первом раскате грома. Ник не ответил – он уже сорвался с места, гремя кедрами по бетонным ступеням лестничной клетки. Он летел вниз, перепрыгивая через две ступеньки, задыхаясь от азарта. Однако Кай и Флинт, знавшие каждый изъян этой лестницы, каким-то чудом всегда оказывались внизу раньше. Выйдя из подъезда, Ник, поддавшись какому-то дикому, чистому импульсу, выскочил на середину двора. Он закружился на мокром асфальте, раскинув руки, и начал танцевать – нелепо, ломано, вызываяюще. Редкие прохожие, кутающиеся в зонты, в шоке оглядывались на этого безумца, но Нику было плевать. Друзья на крыльце просто угарали, согнувшись от смеха. Флинт, не выдержав, тоже шагнул под водяную стену, срываясь на крик радости. Кай хотел последовать за ними, его так и тянуло в этот хаос, но он так и не осмелился переступить невидимую черту. Он остался стоять под козырьком, прислонившись спиной к холодной стене подъезда. Кай молча наблюдал за тем, как эти двое буквально купались в лужах теплого июльского дождя. Он смотрел на их мокрые волосы, на искренние улыбки, которые не могли стереть никакие будущие беды. "И эти придурки мне дороже родины", – подумал он про себя и едва заметно усмехнулся. В тот момент родина была для него чем-то далеким и абстрактным, а эти двое, мокрые и счастливые, были единственной реальностью, за которую стоило держаться. На пятом этаже было спокойнее, чем на двенадцатом. Здесь город не давил своей бездной, а просто шелестел где-то внизу. Все трое продрогли до костей — одежда, вымокшая под теплым июльским дождем, теперь остыла и неприятно липла к телу. Ник, не задумываясь, скинул свою дорогую винтажную куртку и расстелил её на грязном бетоне. – Садитесь, придурки, почки застудите, — буркнул он. Ему никогда не было жалко вещей для них. Ник был их снабженцем: именно он приносил деньги на одну буханку хлеба, которую они ломали на троих, на воду и на ту самую "волшебную пыльцу", ставшую их общим ритуалом. Когда закат догорел, окрасив небо в цвет запекшейся крови, Ник отправился вниз. Кай и Флинт свесились через перила, выкрикивая ему вдогонку тупые шутки. – Эй, люди! Гляньте, вон тот пацан точно по собакам! — хохотал Флинт, перегибаясь через край. Ник обернулся, показал им средний палец и, смеясь, скрылся за углом. Но через минуту смех на балконе стих. Снизу донесся не крик, а какой-то странный, подавленный вопль. Кай и Флинт переглянулись. Бирюзовые глаза Кая сузились. Они сорвались вниз. За углом, в тени старой кирпичной стены, Ника прижали к стене двое в черном. Они не били его, но держали так, что он не мог дышать. Рядом стоял тот самый старик-продавец. Его лицо больше не было лицом испуганного лавочника — в нем проступила сталь. – В лавку его, — бросил старик. Кай и Флинт вылетели из тени. Это не было геройством в чистом виде — это был отчаянный, животный порыв. Они вцепились в людей в черном, давая Нику шанс вырваться. Завязалась короткая, грязная драка. – Беги! — хрипел Флинт, наваливаясь на одного из амбалов. В итоге Ника вытолкнули, но Флинт и Кай оказались на коленях перед стариком. Тот долго смотрел на Кая, потом вспомнил его недавнее «Простите» в дверях магазина. – Этого отпустите, — холодно произнес старик. — Он умеет признавать вину. А вот с этим... — он кивнул на Флинта, который сплюнул кровь ему под ноги. — Мы подумаем, что сделать. Этой же ночью мир для них перестал быть игровым. Ник, трясущимися руками набрав сообщение родителям о ночевке у Кая, встретился с другом у ворот Дворца Самурая. Огромное здание из стекла и темного дерева высилось над городом как надгробие. Они проникли

внутри через технический вход, двигаясь по коридорам как тени. В одной из комнат Ник замер. За приоткрытой дверью, на шелковых простынях, спала девушка. Ее волосы были необычными — холодный блонд у кончиков плавно переходил в глубокую тьму у корней. Она казалась существом из другого мира, не имеющим отношения к жестокости своего отца. — Ник, уйди оттуда! — шепотом окрикнул его Кай. — Нашел время... Кай стоял у огромного панорамного окна, выходящего на залив. Ник подошел и похолодел. Внизу, в свете прожекторов, на борт черного корабля грузили людей. Среди них, со связанными руками, шел Флинт. Он казался совсем маленьким рядом с конвоирами. Рядом с трапом стоял Самурай. Его фигура излучала такую мощь, что любое геройство сейчас было бы самоубийством. Единственное, что долетело до ребят сквозь приоткрытое окно — это слова Самурая, обращенные к отцу-продавцу: — Он отправится в ссылку. Там научится уважать старших. Корабль медленно отошел от причала, растворяясь в ночном тумане. Ребята стояли у окна, и Ник почувствовал, как внутри него что-то окончательно сломалось. Они надеялись, что это лишь ссылка. Но в глазах Кая отражался лишь холодный свет уходящих огней. Они бежали так, будто за их спинами сам город смыкал свои челюсти. Ночной Питер превратился в ловушку: каждый светящийся иероглиф на рекламных щитах казался глазом Самурая, а каждый звук автомобильных шин по мокрому асфальту — рокотом того самого черного корабля. Когда они, задыхаясь, ворвались в подъезд дома "0901" и лифт, содрогаясь, выплюнул их на двенадцатом этаже, мир на мгновение сузился до размеров бетонного балкона. Дождь кончился, оставив после себя лишь тяжелую, липкую влажность. Город внизу поблескивал, как чешуя огромного мертвого зверя. Ник подошел к перилам, его руки заметно дрожали — мелкая, противная дрожь, которую невозможно было унять. — Кай... дай, — выдохнул он, не оборачиваясь. — Самокрутку. И огонька. Его голос сорвался, став тонким и ломким. Кай молча достал из кармана зипки вишневые травы. Его движения были механическими, точными. Он чиркнул своим "Ardor", и маленький огонек на секунду выхватил из темноты его лицо — бледное, с застывшим взглядом бирюзовых глаз. Ник жадно затаился. Горький дым с привкусом вишни смешался с запахом озона и сырого бетона. Он курил, судорожно вцепившись свободной рукой в поручень, а Кай просто стоял рядом, прислонившись спиной к холодной стене. Кай не курил. Он никогда не искал спасения в дыму, он предпочитал чувствовать реальность во всей её уродливой полноте. Он просто наблюдал, как облако дыма от Ника медленно растворяется в ночном небе, уходя туда, где за горизонтом исчезли огни корабля Флинта. Тишина на балконе была такой плотной, что её, казалось, можно было резать ножом. В этой тишине умирало их детство. Ещё вчера они воровали сигареты и танцевали под дождём, а сегодня один из них стал «грузом» на государственном судне. — Нам конец, да? — тихо спросил Ник, глядя на тлеющий огонек сигареты. Кай не ответил. Он смотрел вдаль, туда, где над шпилями и крышами догорал неоновый свет дворца. В его голове, как заезженная пленка, прокручивался образ Флинта со связанными руками. Город вокруг них продолжал жить, равнодушный к их маленькой катастрофе, переваривая тысячи таких же поломанных судеб в своих каменных недрах. Им нужно было переварить это самим. Принять то, что мир больше не принадлежит им. Кай привычно двигался в полумраке кухни, где запах старого перегара, ввевшийся в обои, смешивался с его собственным ароматом — терпкой вишней и табаком. Этот коктейль запахов был его личной границей, отделяющей пустую квартиру от внешнего мира, который только что отобрал у него часть души. Он не зажигал основную люстру, хватило слабого желтого света над плитой. На кухонном столе, покрытом мелкими царапинами, Кай разложил свой нехитрый арсенал. Пальцы работали сами, подчиняясь мышечной памяти, накопленной за долгие вечера одиночества. Он достал тонкую, почти прозрачную бумагу. Ладонь привычно нащупала сушеную смородиновую траву — её запах был резче и кислее, чем у вишни, он лучше подходил к сегодняшнему состоянию пустоты. Кай аккуратно высыпал зелень на лист, разравнивал её кончиками пальцев, чувствуя каждую соринку. Затем — клей. Узкая полоска по самому краю. Одним точным движением он свернул

бумагу в плотную трубку. Один конец он ловко закрутил в тугой хвостик — чтобы огонь шел ровно, чтобы самокрутка не прогорела слишком быстро. В другой конец он втиснул плотный ватный шарик, заменявший фильтр. Это был его способ медитации. Пока руки заняты делом, мысли перестают хаотично метаться. Кай смотрел на готовую самокрутку, лежащую на столе под тусклой лампой. Она выглядела безупречно. Он вспомнил Флинта, который всегда просил пшикнуть мяты на фильтр. Но сейчас мяты не было. Была только тишина пустой кухни и осознание того, что завтра утром за Флинтом никто не придет. Кай крутил самокрутку в пальцах, глядя, как тусклый свет бликует на кофейном боку зажигалки. На столе лежала та самая пачка — выцветшая, с заломленными углами, которую он хранил как святыню. Мама любила эти дешевые сигареты. Отец ненавидел их запах, да саму суть курения, обещал выкинуть её вместе с её ягодами на мороз, но без искреннего зла, а из лучших побуждений. А теперь нет ни отца, ни матери. Есть только старый картон, который за годы пропитался химическим ароматом вишни так сильно, что любая трава, положенная внутрь, начинала пахнуть её присутствием. Простая химия, победившая время. Кай поднес самокрутку к лицу и закрыл глаза. Вишня. Сладкая, приторная, душная. Запах скандалов на кухне, запах маминого халата и её тонких пальцев. Для Ника и Флинта это был стиль, дух их банды. Для Кая это был единственный способ не забыть лицо женщины, которая когда-то его любила. Он так и не прикурил. Просто положил самокрутку в пачку к остальным, бережно закрыл клапан и убрал в карман зипки, ближе к телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.